

С прологом и эпилогом

Так Олег Ефремов придумал свой последний спектакль

Общая газета. — 2000. 8 июля. — с. 10

НА ЭТОЙ НЕДЕЛЕ стало известно, что Олег Табаков принял предложение Министерства культуры возглавить Московский Художественный театр имени Чехова. Однако все спектакли, работа над которыми началась в последнем сезоне Олега Николаевича Ефремова, увидят свет рамп. «Сирано де Бержерак» Э. Ростана — пьеса, над которой Ефремов работал до последнего дня. Идея возникла давно, репетировали долго, Олег Николаевич хворал и часто устраивал репетиции у себя дома. Торопился. Возможно, чувствовал, что жить не успеть. И успел. Как говорят в театре, развел весь спектакль на сцене. В память о главном режиссере мхатовцы приняли решение спектакль выпустить. Доводить его до премьеры будет режиссер Николай Скорик. Роксану играет П. Медведева, Кристиана — Б. Шербаков и С. Шнырев, де Гиша — С. Любшин. В массовых сценах задействована вся молодая труппа театра. А Сирано сыграет **Виктор ГВОЗДИЦКИЙ**, которого мы попросили рассказать, как шла работа над спектаклем.

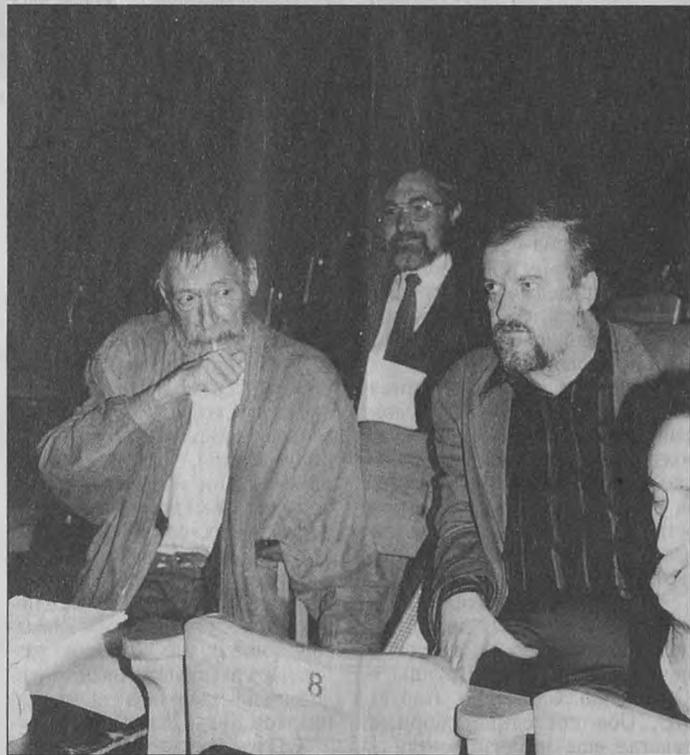
— Последний год репетиций был для Олега Николаевича способом жить. Много лет назад «Сирано де Бержерак» шел в «Современнике». Но Ефремов редко вспоминал об этой постановке. Режиссером был Игорь Кваша. Сирано репетировал Михаил Козаков, а Роксану — Лилия Толмачева и Людмила Гурченко. Ефремов помогал на выпуске. Я думаю, для Олега Николаевича это был другой спектакль, из другого времени. Сегодняшнее его желание ставить Ростана, скорее всего, связано с именем Юрия Айхенвальда, автора перевода. Они дружили, Ефремов ассоциировал его с Сирано. Наш спектакль посвящался памяти Айхенвальда. Однажды Олег Николаевич произнес слова, которые стали для меня главным ощущением роли: «Айхенвальд был бесконечно скромный человек». Вот и Си-

рано — блестящий фрондер, остророслов, жуир, урод, а под всей этой громогласностью — тишина, скромность, почти закомплексованность. Так близко к сути самого Ефремова.

На первый взгляд, Ростан — не совсем МХАТовский автор. Еф-

буквально взрывался. А Ефремов и доволен. И на всех репетициях время от времени меня провоцировал: ну что, «детская пьеса»?

Ефремов говорил, что хочет поставить Ростана, потому что вокруг сегодня мало любви, чувств, искренности и, конечно,

Олег Ефремов на репетиции

ремов это отмечал. Он говорил, что романтика МХАТу не показана, что, наверное, Шиллер сильнее, чем Ростан, что, может быть, в Ростане есть детскость. По отношению к Ростану этот эпитет звучал несправедливо. Ведь «Сирано» — история зашифрованная, загадочная. Непонятно, где под сознание переходит в меру знания Айхенвальда, автора перевода. Иногда в этой пьесе проглядывает сам Шекспир, а иногда возникает даже Стриндберг. Когда я слышал от него, что это «детская пьеса»,

культуры. Прячется. Исчезает. Истекает. И, как всегда, сомневался, нужно ли это кому-нибудь сейчас. Текст пьесы немного сократили, Ефремов придумал пролог и эпилог: кухню 60-х годов, где скучают от жизненной рутин муж и жена. Мне эта идея совсем не нравилась. Зрители и так приходят в театр из пролога. Он у каждого свой. К тому же артист хорошо чувствует текст, а найти адекватную Ростану интонацию сложно. А сейчас я думаю, может, он был и прав. В этом прологе для

Ефремова соединялись режиссура 60-х годов, «Современник», Айхенвальд и кухня, на которой они просиживали ночи напролет. Пролог и эпилог мы пытались придумать в этюдах, окончательного текста так и не сочинили.

Когда я выходил после репетиции, казалось, что ничего не осталось. Пустота... Но проходили дни, и пустота заполнялась. Потом я понял, что Олега Николаевича нужно «отлавливать». Он никогда не приказывал, не заставлял. Он направлял. Однажды, как всегда вскользь, обронил: «Сирано» — о том, что жить лучше, чем умереть. И это так просто и так правильно, и об этом можно размышлять внутри этой пьесы, внутри истории и внутри самой жизни».

Репетировал уже устало и торопясь. Зажигаясь на мгновения. В этой работе, как никогда, ему были важны символы. Он много говорил о значении круга, широк, дерева, почти мистических знамений. Мы репетировали сцену, когда Роксана открывает Сирано, что любит Кристиана. Признается трудно, долго. Паузы, сны, паузы... Почему так? Ведь Роксана и Сирано — веселые друзья, кузены, она делится своим чувством с самым близким человеком. Олег Николаевич объяснял: «Но она же не может не чувствовать, что Сирано ее любит!» Эту фразу нужно было «отловить». Он всегда предполагал, что актер услышит и продолжит сам. Ефремова отличала поразительная актерская деликатность, он искренне недоумевал: «Но я же не могу тебе показывать! Ты же артист!».

Я люблю многих своих режиссеров, но никогда не видел в этой профессии людей такой паутиной, воздушной, прозрачной незаметности в отношениях. Он был очень изощренным в общении человеком и одновременно очень ясным. Умел отпустить актера на большую дистанцию — лететь. Играл я с ним на сцене только одну роль. Однажды заболел актер, играющий Людовика в «Кабале свя-

тош». Через входы проходят все, а моя судьба сложилась так, что я никогда не вводился. А тут — две большие сцены, самый сложный костюм, и вообще роль Смоктуновского. Я говорю: «Олег Николаевич, я не знаю, получится ли». Он спокойно отвечает: «Ну, если не хочешь, давай отменим спектакль». И отменил бы! Хотя спектакль шел очень редко и уже стояла декорация, и три яруса были проданы. Я вышел на сцену, а когда забыл какую-то реплику, Ефремов мне подсказал. И не так, как обычно делают актеры: штатским голосом (во МХАТе еще владеют этим мастерством, особенно Вячеслав Невинный), а изобретательно. Произнес что-то вроде: «О, ваше величество, вы, наверное, хотели мне возразить и сказать дерзость, я даже могу представить себе, какую...» На поклонах он сказал: «Ты сегодня был не артист, а солдат».

Это был шикарный и естественный человек. Он умел одеваться, ему безумно шли костюмы. Умел войти, выйти, стоять в центре, поцеловать руку. Умел разговаривать с женщиной. Умел быть ровным с каждым и быть ироничным, жестким. Он не стеснялся «не знать», спрашивать, быть любопытным. Умел слышать. Он поделился со мной, что хочет переустроить МХАТ наподобие «Комеди Франсез». Я возразил: «Комеди Франсез» — мертвый театр, французы над ним смеются и считают музеем». — «Вообще-то, ты прав. Надо думать. Надо успеть».

Ефремов умел держать дистанцию. Например, всегда было трудно зайти к нему в кабинет. Чтобы открыть дверь, нужно было через что-то переступить. Хотя когда дверь закрывалась, никогда не возникало ощущения, что зря притаился. Это был настоящий мудрец. Однажды я у него спросил: «Вы могли бы быть президентом?» — «Мог бы». — «Но ведь это очень трудное дело» — «Чего там трудного? Надо напрямч работу и организовать».

Его было трудно переспорить. Во время репетиций Ефремов сказал, что Сирано нужен нос. Я сопротивлялся: это же невозможно, в конце XX века! Все всегда играли с носами, это видно, это нелепо, это плоско!!! Но он все повторял: нос, нос, нос, немножко вздернутый, зазорный. Когда искали форму носа и к моей фотографии на компьютере приделывали разные носы, этот ненавистный мне вздернутый нос оказался таким отдельным от лица, от моего невеселого выражения глаз, что получился шмящая странная, уродливый и одновременно изысканный образ. Он угадал. И вдруг сказал: «А в одной сцене ты этот нос снимешь, и будешь играть со своим лицом».

...Одиночество — понятие относительное. Ефремов жил один, но не был одинок. За ним всегда шли, даже в самые трудные для театра времена. И он умел чувствовать отношение к себе. Это важная черта для художника — чувствовать и знать, как к тебе относятся. Он был даже способен оценить негативное отношение к себе и увидеть за ним не злобу, а своеобразное проявление верности. Он был настолько многомерен, что иногда ты уже не понимал, совершил Олег Николаевич тот или иной поступок или просто показалось. «Ты с ума сошел! При чем тут я?» — «удивляйся» Ефремов. Может, от этой невероятной тонкости ему так открывался и Ростан, и Пушкин. Ефремов часто поминал в разговорах Пушкина, и у меня сложилось впечатление, что он многое измеряет Пушкиным. Пушкин был для него точкой отсчета. Вот и история Сирано созвучна истории Пушкина, похожа в чувственном смысле, в характере поступков. Не случайно еще совсем недавно Ефремов мечтал сыграть пушкинского Сальери...

Записала
Юнна ЧУПРИНИНА